

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2019-4-68-70>

УДК 811.111'42

Храбан Т.Е.

Военный институт информатизации и телекоммуникаций

СЦЕНАРНОЕ ВОССОЗДАНИЕ ЭМОЦИИ ПЕЧАЛИ В РОМАНЕ М. ЭТВУД «КОШАЧИЙ ГЛАЗ»

Аннотация. Исследовано специфику сценарного воссоздания эмоции печали в романе М. Этвуд «Кошачий глаз». Доказано, что с целью раскрытия идеи произведения М. Этвуд создает особый сценарий представления эмоциональных состояний путем использования лексем, обозначающие негативные эмоции с инвариантным семантическим признаком `отрицательная ответная реакция на событие, которое не согласуется или противоречит внутренним установкам человека`. Ключевой эмоцией в сценарии является эмоция печали. Анализ тестовых фрагментов, в которых эмоция печали сопряжена с другими эмоциями и эмоциональными состояниями, доказывает, что ситуация печали является наиболее сложной эмоцией – при определенных условиях переживаемые героиней негативные эмоции вступают в устойчивую взаимосвязь с эмоцией печали и приводят к формированию различных интеракций.

Ключевые слова: интеракции, сценарное воссоздания эмоции печали, художественный текст.

Khraban Tetayna

Military Institute of Telecommunications and Informatization

SCRIPT RECONSTRUCTION OF SORROW IN THE NOVEL M. ATWOOD «CAT'S EYE»

Summary. The article deals with studying the particularities of description of sorrow in the fiction. The features of script reconstruction of sorrow in the novel M. Atwood «Cat's Eye» are revealed. It has been proved that in order to reveal the idea of the work M. Atwood creates a special script for presenting emotional states. The key emotion in the script is the emotion of sorrow. Interpretation and understanding of sorrow receive in the novel its unique phenomenological characteristics and specific linguistic expression. Under certain conditions the negative emotions experienced by the character can merge with the emotion of sorrow. That leads to the formation of various interactions. Every script of presenting the character's emotional state is characterized in the novel by stable interactions, namely:

1. «Sorrow as an emotional state that causes a situation to be a victim of bullying» – «sorrow – diffidence». The main heroine's emotional state of diffidence is closely related to the feeling of her incongruity and the awareness of her family's oddity. The lexemes and phrases with the semantic component `incongruity` indicate that main heroine's uncertainty relates to the result of self-appraisal.
2. «Perception of the sorrow by the victim of bullying» – «sorrow – fear». For the revealing main character's negative emotional state M. Atwood describes the cognitive, somatic, emotional and behavioral components of the interaction «sorrow – fear». The cognitive component reflects gloomy foreboding. Lexemes and phrases with the semantic components `hopelessness`, `inevitability`, `death`, `suicide` indicate that the destructive effect of fear on the victim of bullying becomes total. The somatic component of the interaction «sorrow – fear» is localized in the semantic structure of words having the semantic component `physical pain`. The emotional component is verbalized by lexemes and phrases with the semantic component `frustration`. The behavioral component is verbalized by lexemes with the semantic component `despair`.
3. «Sorrow in dreams and visions» – «sorrow – loneliness». The key to deciphering the implicit meaning of dreams are symbols that are deeply rooted in mythology, anthropology, and linguistics.

Keywords: interactions, script reconstruction, the emotions of sorrow, fiction.

Постановка проблемы. Явления и события действительности вызывают относительно типичные для определенного человека состояния, которые регулируются преимущественно эмоциональной сферой и охватывают эмоциональные реакции и эмоциональные отношения переживания. Эмоциональная сфера является предметом анализа, проводимого представителями разных наук – философами, психологами, социологами, лингвистами. Лингвисты, занимающиеся проблемами текстолингвистики, акцентируют внимание на том, что любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей. Исследование лингвистических средств выражения эмоций актуально как для понимания внутреннего мира персонажей и человеческой психологии в целом, так и для понимания творческого замысла автора.

Анализ исследований. Эмоции были исследованы рядом специалистов в области тек-

столингвистики, в частности: И. Баженовой (исследовано разные способы вербального описания эмоциональных реакций и эмоциональных состояний, описано их лексико-семантическая динамика со второй половины XVIII по XX в.в.) [1]; Е. Довгань (рассмотрено особенности природы смысла художественного текста в контексте эмоционального интеллекта) [2]; Н. Зотовой (раскрыто основные способы реализации категории эмотивности в художественном тексте на примере произведений Н. Калитина) [3]; Д. Новиковой (изучено прагматический аспект описания эмоций в художественном тексте) [6]; Н. Цинтар (выявлено и проанализировано лексические средства, выражающие эмоции, в произведениях авторов-мужчин) [10] и другими. Несмотря на достаточное количество работ, посвященных изучению эмоций в области текстолингвистики, актуальность данной статьи определяет исследование особенностей раскрытия эмоции печали в художественном тексте.

Цель статьи – выявить специфику сценарного воссоздания эмоции печали в романе М. Этвуд «Кошачий глаз».

Материалы и методы исследования. Актуальность для данного исследования приобретает психосемантический подход как «метод исследования устойчивых эмоционально-когнитивных способов реагирования в ситуациях через анализ индивидуального сознания человека и его образа мира» [8]. В рамках данного подхода основное внимание уделяется «рациональному или, скорее, концептуальному измерению эмоций, показывающему, как они строго переплетены» [13, с. 105]. Для достижения поставленной цели считаем оправданным использование таких психолингвистических методов исследования как дискурс-анализ, метод контекстуального и интуитивно-логического интерпретационного анализа. Материалом исследования послужили текстовые фрагменты романа М. Этвуд «Кошачий глаз».

Изложение основного материала. Своеобразием идиостиля М. Этвуд является психологичность языка. Прием сценарного воссоздания эмоций главного персонажа романа «Кошачий глаз» дает возможность не только понять художественное мастерство М. Этвуд, но и на материале художественного текста проанализировать проблемы эмоционального буллинга, который представляет собой одну из актуальных проблем современности, требующую научного исследования на стыке различных научных дисциплин» [5, с. 72]. В своем романе писательница описывает эмоциональный буллинг как результат неравной силовой динамики (сильные атакуют слабых), разновидность насилия, которое может принимать различные формы (словесные оскорбления, унижение, социальная изоляция, запугивания, которыми умышленно вызывается эмоциональная неуверенность и наносится психологическая травма) [5, с. 72]. С целью раскрытия идеи произведения М. Этвуд создает особый сценарий представления эмоциональных состояний героини романа Элейн путем использования лексем, обозначающие негативные эмоции с инвариантным семантическим признаком `отрицательная ответная реакция на событие, которое не согласуется или противоречит внутренним установкам человека`. Ключевой эмоцией в сценарии является эмоция печали. Разнообразные проблемные ситуации, с которыми сталкивается Элейн в повседневной жизни, неудовлетворенные первичные потребности, а также образы, представления, воспоминания стают психологической основой печали, интерпретация и понимание которой находит в романе свои уникальные феноменологические характеристики и свое специфическое лингвистическое выражение.

Рассмотрим звенья сценария эмоциональных состояний героини романа.

1. Печаль как эмоциональное состояние, послужившее предпосылкой ситуации оказаться жертвой буллинга. Причиной печали Элейн становится изменение среды общения и вхождение в группу, что требует активного самоизменения и активного приспособления к среде. Адаптация усложняется тем, что по причине специфики профессии отца Элейн была ограничена в общении с девочками, ее партнером по играм был старший брат, который оказал огромное влияние на фор-

мирование гендерной идентичности сестры. Желание быть своей в новой среде вынуждает Элейн к изменению гендерной идентичности, в частности, через одежду, манеру общения и интересы, что происходит для девочки крайне мучительно: *So I am left to the girls, real girls at last, in the flesh. But I'm not used to girls, or familiar with their customs. I feel awkward around them, I don't know what to say. I know the unspoken rules of boys, but with girls I sense that I am always on the verge of some unforeseen, calamitous blunder. Playing with girls is different and at first I feel strange as I do it, self-conscious, as if I'm only doing an imitation of a girl... I see that there's a whole world of girls and their doings that has been unknown to me.* В приведенном фрагменте представлены лексемы и словосочетания с семантическими компонентами `стеснение`, `неуверенность`, `закомплексованность`, `стресс` (*feel different, not used to girls, not familiar with their customs, feel strange, self-conscious, feel awkward, don't know what to say, on the verge of some unforeseen, calamitous blunder, doing an imitation of a girl, unknown to me*), на основании чего можно утверждать, что сложившаяся стрессовая ситуация создает условия для вступления эмоции печали в устойчивую взаимосвязь с другими эмоциями и эмоциональными состояниями, что приводит к формированию устойчивой интеракции «печаль – неуверенность». Близко связано эмоциональное состояние неуверенности в себе с ощущением Элейн неправильности себя и представлением о дефективности ее семьи: *My mother is not like the other mothers, she doesn't fit in with the idea of them. She does not inhabit the house, the way the other mothers do; she's airy and hard to pin down. The others don't go skating on the neighborhood rink, or walk in the ravine by themselves. They seem to me grown-up in a way that my own mother is not. I think of Carol's mother in her twin set, her skeptical smile, Cordelia's with her glasses on a chain and her vagueness, Grace's and her hairpins and drooping apron. My mother will turn up on their doorsteps, wearing slacks, carrying a bouquet of weeds, incongruous.* В приведенном фрагменте лексемы и словосочетания с семантическим компонентом `инаковость` (*is not like the other, incongruous, doesn't fit, others don't go skating*) свидетельствуют, что неуверенность Элейн относится к результату самооценки. Заниженная самооценка вызывает трудности в общении, проблемы в реализации собственных желаний, скажется на эмоциональном фоне его снижением, что подтверждается отсутствием в текстовых фрагментах лексем с семантическим компонентом `позитивная ответная реакция на событие, которое вызывает состояние радости и полностью соответствует ожиданию и внутренним установкам`. Таким образом, в романе показано, что неумение завоевать симпатию окружающих может привести к психологической изоляции, а такие характеристики жертвы как отсутствие чувства групповой принадлежности, инаковость, неуверенность в себе, иной социальный статус становятся причиной травли [7].

2. Переживание печали жертвой буллинга. Исследование текстового материала показало, что эмоциональный профиль ситуации печали, в которой находится главная героиня романа, ха-

рактируется высокими показателями эмоций страха. Таким образом, формируется интеракция «печаль – страх». Для полнейшего раскрытия негативного эмоционального состояния Элейн М. Этвуд описывает когнитивный, соматический, эмоциональный и поведенческий компоненты интеракции «печаль – страх». Когнитивный компонент представляет собой мысли о конкретной угрозе (*Either way there will be penalties; no matter how hard you scrub, whatever you do, there will always be some other stain or spot on your face or stupid act, somebody frowning*) и поиск путей прекратить ситуацию печали (*I think about becoming invisible. I think about eating the deadly nightshade berries from the bushes beside the path. I think about drinking the Javex out of the skull and crossbones bottle in the laundry room, about jumping off the bridge, smashing down there like a pumpkin, half of an eye, half of a grin. I would come apart like that, I would be dead, like the dead people*). Лексемы и словосочетания с семантическими компонентами `безысходность`, `неизбежность`, `смерть`, `самоубийство` свидетельствуют о том, что разрушительное воздействие страха на жертву буллинга приобретает тотальный характер. В такой ситуации «человек даже не будет пытаться решить встающие перед ним проблемы, он будет жить в страхе, с ужасом ожидая каждого наступающего дня, будет избегать новых, незнакомых ему ситуаций, людей и отношений. Его усилия будут направлены на то, чтобы избежать страдания и обстоятельств, сопряженных с ним, а не на то, чтобы научиться управлять причинами, вызывающими страдание» [4]. Достаточное внимание в романе уделено описанию соматического компонента интеракции «печаль – страх»: тяжесть в желудке и рвота (*My stomach goes cold; My stomach feels dull and heavy, as if it's full of earth*), потеря сознания (*Cordelia tells me to stand against the wall I faint again*), спутанное и мутное сознание (*At these times I feel blurred, as if there are two of me, one superimposed on the other, but imperfectly. There's an edge of transparency, and beside it a rim of solid flesh that's without feeling, like a scar. I can see what's happening, I can hear what's being said to me, but I don't have to pay any attention. My eyes are open but I'm not there*), невроз навязчивых состояний, проявляющийся в нанесении вреда телу и внешнему виду – обгрызание ногтей, жевание кончиков волос и обдирание кожи (*I chewed the ends of my hair, so that there was always one lock of hair that was pointed and wet; I gnawed the cuticles off from around my fingernails, leaving welts of exposed, oozing flesh which would harden into rinds and scale off; I peeled the skin off my feet*). Отображение соматического компонента интеракции «печаль – страх» локализуется в смысловой структуре соответствующих слов, имеющих семантический компонент `физическая боль`: *bite a small opening, pull the skin off in narrow strips, go down as far as the blood, painful to walk, welts of exposed, oozing flesh, looked nibbled, as if by mice*. Следует отметить, что героиня сознательно причиняет себе физическую боль, чтобы отвлечься от боли душевной (*It was painful to walk, but not impossible. The pain gave me something definite to think about, something immediate. It was something to hold on to*). Противопоставление интенсивности

физической и душевной боли позволяет М. Этвуд убедительно охарактеризовать эмоциональный профиль ситуации печали Элейн.

Эмоциональный компонент интеракции «печаль – страх» в романе вербализуется за счет лексем и словосочетаний с семантическим компонентом `фрустрация` (*Hatred would have been easier. With hatred, I would have known what to do; I can't believe anyone can be always happy. So they must be lying some of the time fills me with anxiety; Also I'm ashamed. I'm afraid he'll laugh at me; Instead I am filled with dread, because I know nothing of the etiquette of play-going and I'm sure I'll do something wrong; This kind of attention from them makes me tremulous. I'm afraid I will cry*). Состояние фрустрации мешает Элейн осознать проблему, но печаль побуждает героиню романа к действию: *I decide to do something dangerous, rebellious, perhaps even blasphemous. I can no longer pray to God so I will pray to the Virgin Mary instead. This decision makes me nervous, as if I'm about to steal. My heart beats harder, my hands feel cold. I feel I'm about to get caught*. Попытка что-то изменить в сложившейся ситуации не приводит к успеху, а еще более усугубляет эмоциональное состояние печали. Таким образом, поведенческий компонент интеракции «печаль – страх» вербализуется лексемами с семантическим компонентом `отчаяние` (*dangerous, rebellious, blasphemous*).

Следует также отметить, что печаль является врожденным активатором гнева: «Все, кому знакомо чувство уныния, хандры, знают, что оно сопровождается переживанием гнева, – человек сердится на себя или ругает других за свои несчастья» [4]. При этом формируется интеракция «печаль – гнев». Источником этой тенденции в романе станет следующая ситуация: Элейн узнает, что родители девочек, которые подвергают ее буллингу, не только знают о происходящем, но и одобряют его. Акцент в романе делается на интенсивности эмоции. Гнев в романе изображается как монстр (*one breast and no waist*), обладающий силой и живучестью сорняка (*like a fleshy weed in my chest, white-stemmed and fat; like the stalk of a burdock*). Использование для характеристики гнева лексем *rank, heavy, thick* доказывает, что этот гнев не облегчает печаль или смягчает ее, а только усугубляет эмоциональное состояние Элейн.

3. Печаль во снах и видениях. Сновидение – это символически зашифрованное послание на важную тему, попытка подсознания справиться с тревожной ситуацией, найти выход, решение, восстановить психическое равновесие [11]. И. Фурцев отмечает, что в сновидениях преобладают отрицательные, неприятные эмоции и аффекты: «Аффекты бодрствующей жизни, такие, например, как опущения, чувства, сильные эмоции, страхи, мучительные чувства от неисполненных желаний, остаются в сновидении в неизменном виде. Потому именно они могут указать нам правильный путь к толкованию. Там, где в сновидении имеется аффект, он же имеется и в мыслях, скрытых за содержанием сновидения. В мыслях, лежащих в основе сновидения, постоянно отражаются наиболее интенсивные душевные движения, зачастую борющиеся с другими, диаметрально противоположными. Путем изучения сновидений легко раскрываются подлинные, искренние чувства [9]. Именно

поэтому средством психологической характеристики главной героини романа и ее эмоционального состояния является много разнообразных сновидений и видений. Их интерпретация помогает находить новые смыслы в многозначной реальности художественного текста. М. Этвуд избирательно воспроизводит в сновидениях те фрустрирующие и стрессовые ситуации, которые актуальны для Элейн. Ключом к расшифровыванию скрытого смысла сновидений становятся символы, глубоко уходящие своими корнями в мифологию, антропологию, языкознание. В этом контексте показательным является следующий текстовый фрагмент, описывающий видение девочки: *But after a while something begins to form: a thicket of dark-green leaves with purple blossoms, dark purple, a sad rich color, and clusters of red berries, translucent as water. The vines are intergrown, so tangled over the other plants they're like a hedge. A smell of loam and another, pungent scent rises from among the leaves, a smell of old things, dense and heavy, forgotten. There's no wind but the leaves are in motion, there's a ripple, as of unseen cats, or as if the leaves are moving by themselves. Nightshade, I think. It's a dark word. There is no nightshade in November. The nightshade is a common weed. You pull it out of the garden and throw it away. The nightshade plant is related to the potato, which accounts for the similar shape of the flowers. Potatoes too can be poisonous, if left in the sun to turn green. This is the sort of thing it's my habit to know. I can tell it's the wrong memory. But the flowers, the smell, the movement of the leaves persist, rich, mesmerizing, desolating, infused with grief.*

В приведенном текстовом материале актуализуется эмоциональное состояние одиночества как пребывание в тягостном переживании и состоянии ненужности, изолированности и опустошенности (*desolating, pull it out of the garden and throw it away, common weed*). Элейн видит паслен – ядовитый полкустарник-лиану, который является обыкновенным сорняком. Присутствие его в саду среди культивируемых растений нежелательно, поэтому его вырывают и выкидывают прочь. Именно так – сорняком, аутсайдером – воспринимает себя Элейн в обществе девочек. С другой стороны, паслен символизирует печаль, которая в этом видении представляется живым существом (*as if the leaves are moving by themselves*), монстром, который обвивает и захватывает человека полностью (*the vines are intergrown, so tangled over the other plants they're like a hedge*), имеющим силу, которой невозможно противостоять (*dense and heavy, thicket of dark-green leaves with purple blossoms, dark purple, a sad rich color*), и стремящимся погубить, свести в могилу жертву (*smell of old things, smell of loam, poisonous, grief, dark, nightshade*). Таким образом, доминирование в видении сразу двух эмоций является предпосылкой для формирования интеракции «печаль – одиночество».

С другой стороны, можно подойти к трактованию этого видения с позиции компенсаторной функции сна, то есть попытки прямого изменения структуры комплексов, на которые опирается архетипическое эго [9]. И. Фурцев отмечает, что «иногда кажется, что многие сновидения буквально провоцируют эго-сновидения на решение различных задач, достижение цели в которых могло бы изменить структуру бодрствующего эго, поскольку

идентичность эго сновидения наиболее часто является частичной идентичностью эго бодрствующего. Эго-сновидения воспринимает происходящее во сне ситуации, как реальность, требующая соответствующего действия» [9]. В данном случае выбор паслена как сорняка не случаен, он имеет свой символизм. Так, «осведомленность об опасности паслена, вероятно, дала основание использовать его в средневековой Европе для защиты от дурного глаза... Использовали его и в свадебных венках, и в других случаях для отвращения зла [12]. Кроме того, «вкусовые качества растения – сначала горький, а затем сладкий – и определили его использование как специфического символа правды, верности, постоянства в достижении через невзгоды желанной цели» [12]. Таким образом, печаль извещает человека о том, что нечто неладно в нем самом и в мире, его окружающем, и через подсознание побуждает человека к действию, направленному на устранение вызвавших ее причин [4]. Доказательством этого служит следующий сон: *I dream I'm running along the street outside the school. I've done something wrong. It's autumn, the leaves are burning. A lot of people are chasing after me. They're shouting. An invisible hand takes mine, pulls upward. There are steps into the air and I go up them. No one else can see where the steps are. Now I'm standing in the air, out of reach above the upturned faces. They're still shouting but I can no longer hear them. Their mouths close and open silently, like the mouths of fish.* Выбор лексических единиц (*running, chasing after me, shouting*) с семантическим компонентом `травля` создает атмосферу отверженности, безысходности. Однако Элейн находит себя в безопасности, будучи поднятой с земли в воздух чей-то невидимой рукой. Преследователи в ярости, но это больше не тревожит девочку. Люди, имеющие такой нелепый вид (*mouths close and open silently, like the mouths of fish*), не вызывают больше никаких эмоций, они безразличны ей (*I can no longer hear them*). В этом сне зашифрована разгадка решения проблемы: «невидимая рука» – знак того, что девочка должна сама справиться со своими проблемами, она не должна ждать помощи извне, а единственный способ решить проблему – отстраниться от людей, который является источником ее негативных эмоций.

Выводы. Таким образом, с целью раскрытия идеи произведения М. Этвуд создает особый сценарий представления эмоциональных состояний героини романа. Ключевой эмоцией в сценарии является эмоция печали. Анализ тестовых фрагментов, в которых эмоция печали сопряжена с другими эмоциями и эмоциональными состояниями, доказывает, что ситуация печали является наиболее сложной. При определенных условиях переживаемые героиней негативные эмоции могут вступить в устойчивую взаимосвязь с эмоцией печали и привести к формированию различных интеракций. Каждый из сценариев представления эмоционального состояния героини романа характеризуется устойчивыми интеракциями, а именно: «Печаль как эмоциональное состояние, послужившее предпосылкой ситуации оказаться жертвой буллинга» – «печаль – неуверенность»; «Переживание печали жертвой буллинга» – «печаль – страх»; «Печаль во снах и видениях» – «печаль – одиночество».

Список литературы:

1. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте (Прагматический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Москва, 2004. 418 с.
2. Довгань О.В. Особливості природи смислу художнього тексту в контексті емоційного інтелекту. *Система і структура східнослов'янських мов : Збірник наукових праць*. Київ : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2014. Вип. 7. С. 96–104.
3. Зотова Н.В. Репрезентация эмоций в художественном тексте (на материале произведений эвенкийского писателя Н. Калитина). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2016. № 10. Ч. 1. С. 76–79.
4. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб. : Издательство «Питер», 2000. 464 с. URL: <https://studfiles.net> (дата обращения: 01.03.2019).
5. Макарова Е.А. Буллинг как психологическое явление, изучаемое в рамках виктимологии. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2018. № 1. С. 72–75.
6. Новикова Д.Я. Прагматический аспект описания эмоций в художественном тексте. *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. 2007. № 9. С. 68–72.
7. Осницкий А.К., Тарасова С.Ю. Социально-психологические аспекты буллинга. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F681955731/Osnickij_Tarasova.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
8. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Психосемантический анализ паттернов эмоционально-когнитивного реагирования в ситуациях оценивания в контексте выраженности социальной тревоги. *Медицинская психология в России : электрон. науч. журн.* 2013. № 6(23). UR : <http://mprj.ru> (дата обращения: 01.03.2019).
9. Фурцев И.С. Психологическое толкование сновидений. Теория и практика. Litres, 2018. URL: <https://books.google.com.ua> (дата обращения: 01.03.2019).
10. Цинтар Н.В. Лексичні засоби, що виражають емоції в англійських художніх творах авторів-чоловіків XIX–XXI ст. *Science and Education a New Dimension. Philology*. 2018. VI(54). Issue: 183. Pp. 53–54.
11. Hallett S. Here's How Psychologists Actually Analyze Your Dreams. 2017. URL: <https://www.huffpost.com/entry/dream-analysis-psychology> (дата обращения: 01.03.2019).
12. Kandeler R., Ullrich W.R. Symbolism of plants: examples from European-Mediterranean culture presented with biology and history of art. *Journal of Experimental Botany*. 2009. Vol. 60. No. 11. P. 2955–2956.
13. Macagno F. Manipulating emotions. value-based reasoning and emotive language. *Argumentation and advocacy*. 2014. № 51. P. 103–122.

References:

1. Bazhenova, I.S. (2004). Oboznacheniya emocij v hudozhestvennom tekste (Pragmaticeskij aspekt) [The designation of emotions in the artistic text (Pragmatic aspect)] : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. Moskva. (in Russian)
2. Dovgan, O.V. (2014). Osoblyvosti pryrody smyslu xudozhnogo tekstu v konteksti emocijnogo intelektu [Features of the nature of the meaning of fiction in the context of emotional intelligence]. *Systema i struktura sxidnoslov'janskyx mov : Zbirnyk naukovyx pracz*, 7, 96–104. (in Ukrainian)
3. Zotova, N.V. (2016). Rerezentaciya emocij v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij evenkijskogo pisatelya N. Kalitina) [Representation of emotions in an artistic text (based on the works of the Evenk writer N. Kalitin)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10, 76–79. (in Russian)
4. Izard, K.E. (2000). Psihologiya emocij [Psychology of emotions]. SPb. : Izdatelstvo «Piter». URL: <https://studfiles.net> (in Russian)
5. Makarova, E.A. (2018). Bulling kak psihologicheskoe yavlenie, izuchaemoe v ramkah viktimologii [Bulling as a psychological phenomenon studied in the framework of victimology]. *Vestnik Taganrogsckogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 1, 72–75. ([in Russian)
6. Novikova, D.Ya. (2007). Pragmaticeskij aspekt opisaniya emocij v hudozhestvennom tekste [The pragmatic aspect of the description of emotions in the fiction]. *Vestnik TvGU. Seriya : Filologiya*, 9, 68–72. (in Russian)
7. Osnickij A.K., Tarasova S.Yu. (2017). Socialno-psihologicheskie aspekty bullinga [Socio-psychological aspects of bullying]. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F681955731/Osnickij_Tarasova.pdf (in Russian)
8. Sagalakova, O.A., Truevcev, D.V. (2013). Psihosemanticheskij analiz patternov emociionalno-kognitivnogo reagirovaniya v situacijah ocenivaniya v kontekste vyrazhennosti socialnoj trevogi [Psychosemantic analysis of patterns of emotional-cognitive response in assessment situations in the context of the severity of social anxiety]. *Medicinskaya psihologiya v Rossii : elektron. nauch. zhurn*, 6 (23). URL: <http://mprj.ru> (in Russian)
9. Furcev, I.S. (2018). Psihologicheskoe tolkovanie snovidenij. Teoriya i praktika [Psychological interpretation of dreams. Theory and practice]. Litres. URL: <https://books.google.com.ua> (in Russian)
10. Syntar, N.V. (2018). Leksychni zasoby, shho vyrazhayut emociyi v anglijskix xudozhnix tvorax avtoriv-cholovikov XIX–XXI stst. [Lexical means expressing emotions in English literary works of male authors of the 19th–21st century]. *Science and Education a New Dimension. Philology*, VI(54), 53–54. (in Ukrainian)
11. Hallett, S. (2017). Here's How Psychologists Actually Analyze Your Dreams. URL: <https://www.huffpost.com/entry/dream-analysis-psychology>
12. Kandeler, R., Ullrich, W.R. (2009). Symbolism of plants: examples from European-Mediterranean culture presented with biology and history of art. *Journal of Experimental Botany*, 60, 2955–2956.
13. Macagno, F. (2014). Manipulating emotions. value-based reasoning and emotive language. *Argumentation and advocacy*, 51, 103–122. (in English)